

Сказочник Дэн

12+

Путь Бойца

Budokan

Дэн Тэлер
Путь Бойца

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Тэлер Д.

Путь Бойца / Д. Тэлер — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Посвящается любимым игрушкам детства. Electronic Arts - Budokan All rights protected

© Тэлер Д., 2001
© ЛитРес: Самиздат, 2001

Путь Бойца.

Посвящается моим любимым игрушкам детства.

...Поклон.

Выпрямиться. Стойка. Нижний блок рукой. Мая-гери – удар ногой в лицо. Дзуки – кулаком в корпус. С разворота ногой в колено. Разворот и блок рукой от удара в лицо. Удар рукой в лицо. Йоко-гери в колено и сразу в лицо. Блок с разворот от удара в пах. Разворот. Удар кулаком в корпус. Стойка. Поклон. Выпрямиться. Секунда на восстановление сил.

И снова. То же самое.

Это называется ката – высшая ступень тренировки. К этому я долго стремился, а теперь, когда достиг, начинаю сомневаться в правильности моего пути.

Поклон – лицо на закат. А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно. **Выпрямиться** и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда...

Стойка – я стою на горе. Меня никто не отвлечет. Я могу совершенствовать свое искусство вечно. Только кому оно понадобится?

Нижний блок рукой. Я знаю, что гора исписана светящимися письменами. И я знаю, что там написано. *Выиграть сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая степень мастерства.*

Мая-гери. Я много ночей видел эту надпись. Она всегда приходила ко мне во сне: первая заповедь бойца. Но кто знал, что путь война может так кончиться?

Кулаком в корпус. Тут нет корпусов – я один на горе. Победителем. И проигравшим.

С разворота ногой в колено. Да, проигравшим. Победа часто может обернуться поражением. После нее всегда понимаешь, что истинное наслаждение только в пути к ней. Но уже поздно...

Разворот и блок рукой от удара в лицо. Теперь, когда все закончено, только и остается думать, что о том, как бы все повернулось, если бы знал обо всем раньше. Тогда...

Удар рукой в лицо, йоко-гери в колено и сразу в лицо. Понимаешь всю гибельность маршрута и мечтаешь оставить хоть предостережение тем, кто пойдет следом.

Блок с разворот от удара в пах. И тут же понимаешь, что даже если это и выйдет, его все равно не примут.

Разворот и удар кулаком в корпус. Все равно, надрываясь, обламывая ногти, с хрипами и стонами, будут ползти, проклиная все на свете, к вершине.

Стойка. Если бы они знали, что ждет их тут...

Поклон. И если бы знал я...

Выпрямиться. Сколько раз я уже выполнил это ката? Тысячу? Миллион? Больше? Я бросил считать. Я знаю, что в любой момент могу прерваться...

Секунда на восстановление сил. ...и вернуться в начало. И пройти все это снова. Нет, ни за что. Я буду здесь, покуда хватит сил. А их, насколько я понимаю, у меня бесконечное количество. Или до тех пор, пока чужая воля не отберет у меня мой выигрыш и не сбросит обратно, в самое начало пути. И ведь самое обидное то, что я очень хорошо помню, и как это все начиналось и к чему все это привело... Я не вернусь, покуда на то моя воля. Но это значит, что я обязан делать то, что положено. Повторы ката. Бесконечно... И может быть, я придумаю выход...

Поклон – лицо на закат. А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно. **Выпрямиться** и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда...

День 1

Прохлада. Лед. Мороз. Холод. Холод. Жесткое покрытие отрезвляюще вливает его в ступни. Голова словно в огне, тело стонет от бушующих волн пылающей крови, но в ногах – холод. Подошвы моих ног стертые, превращены в омертвевшие мозоли многолетними, каждодневными тренировками и пробежками. Я уже забыл, что такое обувь. Я хожу по снегу, по песку, по гравию и не чувствую между ними разницы, но этот холод я ощущаю. Ощущаю не кожей, не нервами и не рецепторами. Ощущаю самим собой. Потому что я знаю об этом холоде. Я знаю, что он должен быть здесь.

Это ненадолго, через пару мгновений, когда я сделаю несколько первых движений, выискивая более удобную стойку, подошвы моих ног скользнут по кажущемуся холодным татами и раскалятся, словно я балансирую на раскаленных угляях. Вспыхнут жаром застарелые трещины кожи, отзовется очагом горячей боли когда-то выбитый из сустава большой палец правой ноги.

Но я быстро забуду об этом. Я всегда об этом забываю, как только принимаю стойку. Для меня гораздо важнее позаботиться о коленных суставах, извечном слабом месте всех спортсменов. Это только кажется, что чувствительнее всего ступни или ладони, на самом деле колени – вот, что страдает в первую очередь, вот где сразу отражаются все, даже самые мелкие ошибки техники.

Но нет! В ближайшие несколько минут я не буду думать даже о коленях, как не буду думать о четко поставленной позиции ног, развернутых чуть меньше прямого угла – пятки на одной линии, как не буду думать о весе тела, чуть больше распределенном на опорную ногу. Я не буду думать и о копящемся напряжении в плечевом поясе, слегка приопущенном, чтобы дать большее расслабление бицепсам и локтевым суставам рук. Я не буду думать и о мышцах шеи, вытянутой вперед и вниз, которые готовы моментально подать сигнал рвануться головой в сторону, чтобы уйти от атаки.

Я не буду думать ни о чем, связанном с будущим боем, и ничто не отразится в моих глазах, безо всякого выражения следящих за соперником. Я – боец! Я – настоящий воин. И никаких сомнений в победе!

Мой соперник – Горо Суцуки, ученик школы Озеки-Рю. Улыбчивый веселый парень, почти не похож на японца. Все пытается накормить меня суши – очень любит рыбу. Только вот я ее терпеть не могу.

У него на голове повязка для сдерживания волос – которая, правда, ему совершенно не нужна, у него короткие, аккуратно разложенные на косой пробор волосы. Вместо традиционной, под цвет пояса, он использует красный с белым платок, завязанный узелком над левым виском. Я знаю, он мне рассказывал, что это сшила ему его девушка. Он даже показывал мне ее фотографию. Я посмотрел – ну так, ничего особенного. Длинноволосая, косолазенькая. Обычная японочка. Но Горо от нее без ума, каждый день пишет ей письма и читает их мне вслух. Он меня считает своим настоящим другом. И он, наверное, прав. Мне он тоже нравится, этот парень.

Я справлюсь с ним. Он хорош, кто спорит. Он даже посильнее меня, чуть выше – что редкость для японца. Он быстр. Но в схватке нет места шуткам, а он шутит всегда, даже во время боя. Поэтому он проиграет.

Я не боюсь его. Да, я помню, когда-то ему удавалось меня одолеть, но это случалось так редко, что можно считать случайностью. Как правило, я его легко побеждал.

Не опасаясь я и следующего, Ейджи Кимуру, из школы Ягю-рю. Он сражается мечом, но я легко справляюсь с ним голыми руками. Он слишком нетерпелив и совсем не заботится о защите. Впрочем, чему удивляться. Ему же только два месяца назад исполнилось шестнадцать. Собственно, его тогда и допустили к схваткам.

А вот третий – это хуже. Джимми Доран. Он тоже молод, младше меня года на четыре, но он опасен. По-настоящему опасен. И не только умением драться. Я страшусь его. И каждый раз, выходя против него на татами, страшусь не вернуться живым...

Но все это потом, а сейчас – холод! В моих ногах спокойный холод, я черпаю уверенность в твердом синем покрытии. Кимоно свободно лежит на моих плечах. Черный, как сила, пояс уверенно охватывает талию и свисает вниз двумя идеально ровными лентами. Руки касаются запястьями бедер, левая нога чуть впереди, чтобы быстрее перейти в стойку. Я готов!

Поклон! При движении вниз все мысли исчезают, в голове остается только прохлада, словно я стою на открытом холме и меня обдувает тихий ветер. Разгибаюсь. Моя левая нога скользит вперед, тело автоматически распределяет вес по ногам. Я знаю, что одновременно поднимаются руки, тренированное тело само дает команду перейти в оптимальную стойку.

Правая руки, прижимаясь, поднимается по бедру и замирает на ладонь выше черной ленты пояса. Она сжата в полукулак и повернута ребром к земле. Напряженные центральные фаланги пальцев почти дотягиваются до линии поясного узла. Левая плавным движением вытягивается перед корпусом открытой ладонью вперед. В центре ладони тaitся жар. Мне говорили, что там сосредоточено биополе, которым лечат больных. Я замираю и жду. Я готов! Я в стойке!

Горо, как всегда, отстал. Я уже стою в стойке, а он только завершает поклон. Можно этим воспользоваться, крикнуть, кинуться на него, пока он не успел собраться, но это не мой стиль. Он скользнул в такую же стойку, что и я, и немедленно двинулся ко мне. Я невольно залюбовался его отточенными, выверенными движениями, значительно более пластичными и грациозными, чем мои.

Два подшага, подождал, еще подшаг и прыжок. Даже здесь не может удержаться от своих штучек... Горо сжимал свободную руку в кулак во время прыжка и разжимал при приземлении. Так всегда делаю я – дразнится! Еще прыжок и на губах Горо появилась такая знакомая мне ухмылка. До меня осталось не более четырех шагов. Руки Горо слегка распахнулись, открывая грудь, он чуть присел, собираясь покрыть разделяющее нас расстояние прыжком, но я успел первым...

Мозг отдал телу команду прежде, чем я успел оценить обстановку. Я взвился вверх и вперед, разворачиваясь в воздухе. Тяжелый удар ногой пришелся точно в открытую грудь Горо. Он пошатнулся, но не упал и я похолодел, когда увидел, что его улыбка стала только шире и понял, что он открылся специально. Я приземлялся на татами и видел метнувшуюся ко мне левую руку Горо, сжатую в кулак. И ничего не мог сделать! Удар был направлен в пах и, если он достигнет цели, схватку можно считать законченной.

Я пришел на левую ногу, изменив в воздухе распределение веса тела. Стоял я в очень неудобной позиции, меня можно было бы легко свалить с ног, но от непосредственной угрозы успел уйти и тяжелый удар пришелся на бицепс правой ноги. Практически нечувствительно!

Я отступил назад, Горо успел еще раз ударить меня ногой в колено, но это уже было так, скорее дань рефлексам. Он прыгнул ко мне еще раз, махнул рукой, прямой удар в солнечное сплетение, я легко заблокировал и нанес серию ударов ногами. Последний пришелся в живот – мне показалось, что я угодил по скале, – и Горо отлетел назад.

Его глаза слегка затуманились и я понял, что пора переходить в атаку. Один из моих коронных приемов – это серия ударов двумя ногами в прыжке вперед. Я отталкиваюсь опорной правой ногой, лечу вперед и наношу удар левой ногой в лицо. Сам по себе он несильный, его без труда можно заблокировать, но он маскирует следующий, гораздо более опасный удар. Пока внимание соперника приковано к летящей к нему в лицо пятке, поджатая во время прыжка правая нога разгибается и со страшной силой отшвыривает его назад. Тело по инерции скручивается и, чтобы сохранить равновесие, левая нога сама опускается вниз. А там уже татами, через секунду я снова в стойке и готов наносить еще один прием, благо соперник шатается и

пытается ровно встать после предыдущего. К сожалению, эта серия, хоть и эффективная, но отнимает очень много сил, поэтому в нее входит максимум трех-четыре удара.

Впрочем, для Горо этого вполне достаточно. Прыжок, удар, удар, встать, прыжок, удар, удар, встать, прыжок, удар, удар, встать. Горо, прижатый к дальнему углу татами, тяжело шатался, еле стоя на ногах. Я подошел ближе и ударил ногой с разворота. Горо дернулся поставить блок, но я знал, что он так и сделает, поэтому удар только казался направленным в лицо. На самом деле я просто подцепил его за колено. Горо потерял равновесие и стал размахивать руками, открыв пресс и моя нога тут же глубоко вонзилась в солнечное сплетение. Горо всхлипнул, схватился руками за грудь и повалился на татами лицом вниз. Нога, за которую я его зацепил, неловко подвернулась под тело и он взвыл от боли, не отрывая лица от татами.

Я поднял глаза и встретился взглядом с крепким мужчиной европейского типа. Он был в кимоно и в черных очках. Рядом с ним, вполоборота ко мне, стоял неизвестный мне человек в зеленой куртке и серых слаксах. Он тоже был в очках. Их лица полыхали ненавистью.

На моем лице не отразилось ничего. Я поклонился в направлении поверженного соперника, спиной отступил с татами, повернулся и пошел в свою комнату.

Но мне даже не дали толком передохнуть. Я успел только сесть в позу лотоса и закрыть глаза, как услышал шквал аплодисментов и понял, что в зале появился Джимми Доран. Его всегда приветствовали криками восторга. Еще через минуту дверь моей комнаты открылась и человек в зеленой куртке молча поманил меня пальцем. Я поднялся и пошел за ним. Мы прошли по коридору и я вновь оказался на татами. Напротив стоял Ейджи Кимура, одетый в темно-синий фехтовальный костюм. На лице у него была маска. Длинный меч отсвечивал золотом в свете ярких прожекторов зала.

Я чувствовал себя очень странно. Я совершенно не опасался этого юнца, но мне настолько не хотелось драться, что я был готов отказаться от схватки. Из меня словно вынули всякое желание сопротивляться.

Но едва ли все это бы понял Ейджи и поэтому мне пришлось поклониться и выпрямиться в своей излюбленной стойке. Я не мог позволить распространение слухов о том, что я испугался шестнадцатилетнего юнца. Но схватки мне не хотелось совершенно.

И это была не схватка. Это было избиение. Бедный мальчик не успел нанести ни одного удара. За время схватки он четыре раза вылетел с татами и, когда он еле стоял от измождения на ногах, я нанес ему удар ногой в прыжке с разворота. Ейджи упал на колени, как подрубленный, так, словно ему на плечи рухнуло небо со всеми звездами, лунами и планетами.

Меч вылетел у него из руки, отлетел на шаг и я знал, что теперь у меня есть непримиримый враг. Детская психика не позволит простить перенесенный позор. Просто проиграть – не зазорно, но потерять меч... Что же я мог поделать, Ейджи? Извини, малыш... Я не хотел.

Я сошел с татами, кто-то накинул мне на плечи теплый халат. Только сейчас я понял, что гул в ушах, который я принимал за рев крови, на самом деле восторженные крики публики. Я обвел глазами зал. Мне хотелось крикнуть им: «Да что же с вами всеми происходит? Как вы можете радоваться тому, что я, здоровенный каратист, только что на ваших глазах избил ногами мальчишку. Почему вы не хватаете меня, не связываете, как больного, и не сажаете в сумасшедший дом?!»

Меня настойчиво дергали за руку, я сфокусировал взгляд на миловидном восточном личике.

– Скажите, мистер Прет, вы будете сегодня сражаться с Джимми Дораном или отложите бой на завтра?

– Что вы ели на завтрак? – вмешался длинный и худой, как жердь, парень в клетчатом пиджаке.

– Правда ли, что вы спите со своей собакой?

– Что вы можете сказать о последней схватке?

– Пожалуйста, не шевелитесь, мне нужно вас сфотографировать.
Вспышка ударила в глаза молнией, медленно гасли светлые круги.

– Вы давно участвуете в чемпионате?

– Какой зубной щеткой вы пользуетесь?

Темная двухстворчатая дверь, покачиваясь, приближалась. За ней тишина, отдохновение.

– Говорят, на соревнования собирается приехать Арни Густафсон. Вы не боитесь?

– Вы часто мастурбируете?

Дверь закрылась и шквальный гам вопросов прервался, словно отсекло голову гильотиной. Я, сторбившись и по-стариковски загребая ногами, прошаркал в свою комнату. Там меня ждал сюрприз. В моем единственном кресле развалился полуголый здоровяк. Его знаменитая широкополая соломенная шляпа лежала на соседнем стуле. В дальнем углу комнаты скромно стояли двое невысоких людей в темных костюмах. Еще один, в гавайской рубашке навыпуск, в темных очках, сидел на моем письменном столе, перебирая в руках какие-то бумаги. Увидев, как я вхожу в комнату, он встрепенулся и бросился ко мне навстречу.

– Дорогой Прет, – залопотал он, пытаясь схватить меня за руки и проводить в комнату, словно я был слишком глуп, чтобы справиться с этим без его помощи. – Как я рад, что вы нашли время заглянуть. Я – адвокат мистера Дорана. Меня зовут Ричард Фенстер, но вы меня можете называть просто «мистер Ричард Фенстер». У нас есть очень интересная тема для беседы.

Я, не обращая на него внимания, подошел к Джимми и посмотрел на него сверху вниз.

– Ты сидишь в моем кресле, – мой тон не предвещал ничего хорошего.

– Ты заметил? – удивился Джимми. – Наблюдательный.

– Не можешь дотерпеть до завтра? – я встал в стойку, по которой можно было догадаться, что я собираюсь ударить.

– Вот как раз по поводу завтра мы и хотели бы побеседовать, – неожиданно встрял адвокат. – Джимми, детка, встань из кресла, не раздражай мистера Прета, а то вдруг он из-за этого не сможет как следует сосредоточиться на предмете беседы.

Джимми смерил меня презрительным взглядом, взял шляпу со стула, надел ее и встал. Он был длиннее всего на полголова, но тяжелее на добрых двадцать пять килограмм и это были двадцать пять килограмм прекрасно тренированных мускулов, горы которых возвышались надо мной вавилонской башней. А над ними из-под придурковатой шляпы на меня был нацелен острый взгляд, под которым я ощущал себя, как под оптическим прицелом снайпера.

– Итак, мистер Прет, – продолжил адвокат, – если вы теперь готовы к общению, то я был бы рад сформулировать ваши требования.

– Чего надо? – демонстративно отряхивая кресло, поинтересовался я. Со стороны Джимми донесся сдавленный смешок.

– Очень интересное предложение, – отозвался адвокат. – Вы, наверное, слышали, что теперь на боях действует тотализатор. В процессе боя ставки можно менять, переустанавливать, увеличивать и отменять. На завтрашний бой уже поставлено очень много денег. Если вам интересно, то на завтрашний бой средняя ставка четыре целых восемьдесят одна сотая за Джимми против одного за вас. Наша задача...

– Да что ты с ним болтаешь? – вмешался Джимми, нетерпеливо топчущийся на месте во время всего монолога адвоката. – Скажи, чего от него надо и все.

– В течении боя симпатии зрителей часто меняются и на этом можно неплохо сыграть.

– Если ваш детка Джимми достаточно силен, он сумеет со мной справиться. Если же нет, то я ему помогать не собираюсь, – отрезал я.

– Что вы, – в притворном ужасе всплеснул руками адвокат. – Неужели вы могли подумать, что мы хотим предложить вам поддаться?! Ни в коем случае! Сражайтесь изо всей силы и, может быть, вам удастся уйти с татами всего лишь искалеченным. Мы просто хотели попросить

вас попробовать продержаться против Джимми хотя бы два или три раунда. Он соглашается баловаться с вами не больше одного раунда, а за один раунд мы не успеем поднять ставки и на двадцать процентов. Но если вы продержитесь два, три или, ну это уже из раздела фантастики, четыре, то мы сумеем поднять ставку втрое. И, поверьте, вы внакладе не останетесь. Поэтому постарайтесь продержаться подольше.

– Не могу вам этого обещать, – покачал я головой, – но могу гарантировать, что постараюсь запихнуть вашему Джимми его палочки ему в... рот в течении первых пяти минут.

– Вы даже себе не представляете, – промурлыкал адвокат, – насколько большая редкость настоящие оптимисты в наше время. И насколько приятно с ними встречаться. Всего хорошего. Пойдем, Джимми.

– До встречи на татами, – бросил, выходя из комнаты, Джимми. И хищно улыбнулся.

Двери в здании не закрывались и я подпер ее креслом. Мне очень хотелось побыть одному. Я стянул с себя кимоно, аккуратно разложил его на полу. Вечером отнесу его в стирку. Затем сходил в душ, долго тер себя жесткой мочалкой, с наслаждением сдирая накопившиеся за день на теле грязь и пот. И наконец, чистый, свежий, вышел и растянулся на циновке, постеленной на полу.

Заснуть не удавалось. Мне не давало покоя странное ощущение нереальности происходящего и от этого я испытывал сильный дискомфорт. После нескольких безуспешных попыток расслабления я поднялся, закрыл все окна, сел на пол в позу лотоса и стал искать в себе ответы.

За опущенными веками находится целый мир. Даже больше, чем мир. За опущенными веками находишься ты. Когда ты закрываешь глаза и начинаешь вглядываться во что-то, спрятанное в темноте, ты понимаешь, что пока ищешь – прозреваешь.

Я не хотел бить этого мальчика. Я был готов отказаться от схватки. Это был не я, который, словно зверь, накинулся и жестоко избил юнца. Я помню, однажды у меня была подобная схватка. Когда я проиграл три боя подряд, меня подхватила волна ярости, холодной, всеослепляющей, и я так же избил на татами санкю местной школы карате. Но в этот раз я был совершенно хладнокровен перед боем. И не желал схватки. Мои действия словно были продиктованы свыше и я не мог их остановить.

Неровным ритмом прозвучал знакомый стук, я поднялся, отодвинул кресло и распахнул дверь, пропуская Горо внутрь. Горо ворвался, как метеор, оттолкнул меня, успев сунуть мне в руки пакет, рухнул на пол и стал кататься по полу, зажимая руками живот и дрыгая ногами.

– Ты пробил во мне дырку, – громко простонал он. – Как же я теперь, по-твоему, буду получать удовольствие от саке, если оно будет тут же выливаться наружу.

– Как там? Не очень сильно тебе досталось? – на всякий случай поинтересовался я.

– Да ерунда. – Горо легко поднялся. – Угадай, что я тебе принес.

– Наверняка, какой-нибудь очередной вариант суши, – скривился я.

– Не какой-нибудь, а нигири-суши, – гордо заявил Горо. – Все иностранцы предпочитают именно его. Тебе должно понравиться. Попробуй.

– Спасибо, Горо, – я отложил пакет на стул. – Но у меня сейчас нет аппетита. Я обязательно попробую попозже.

– Слушай, Прет, – Горо стал непривычно серьезным. Он поднялся и встал напротив меня. – Что с тобой сегодня случилось? Зачем ты так набросился на бедного Ейджи? Ты ведь и так бы с ним справился. И что, ты свел дружбу с Джимми Дораном? Он ведь мафиози.

Я тяжело вздохнул.

– Я не знаю, Горо. Я вообще не хотел драться. Такое ощущение, что в меня вселился какой-то дух, который заставлял меня действовать против моей воли.

Горо недоверчиво хмыкнул.

– Если бы это случилось во время завтрашнего боя с Дораном, я бы и слова не сказал. Но Ейджи еще совсем мальчонка... Ты уверен, что ты в порядке? Может быть, сходишь к наставнику?

– Может, и схожу. – Я посмотрел на Горо. – Горо, скажи мне честно, тебе никогда не бывает странно от того, что происходит?

– Конечно! Особенно когда я вижу, как из твоей комнаты выходит твой завтрашний соперник с тремя громилами. А что ты имеешь в виду? – Горо уже бросал по сторонам косые взгляды. Он не умел долго оставаться серьезным.

– Да забудь ты про этого Джимми, – с досадой отозвался я. – Они просто пришли меня поугагать, но не на того напали. Я про ощущения. Мне кажется, что все идет как-то слишком правильно.

– И ты этим недоволен? – удивился Горо. Он якобы машинально взял пакет со стула и стал вертеть его в руках. Я сделал вид, что ничего не заметил. – Ты хотел бы, чтобы все шло наперекосяк?

– Слушай, Горо. Мы ведь словно играем какие-то роли, разве ты не чувствуешь.

– Мы всегда играем роли, – Горо запустил пальцы в пакет, выудил оттуда совершенно несъедобный, на мой взгляд, кусок рыбы, бросил его в рот и стал медленно пережевывать, прикрыв от удовольствия глаза. – И в данный момент моя роль мне очень даже по душе.

– Горо, – тихо спросил я. – Сколько времени?

– Двадцать один сорок, – тут же ответил Горо. – А что?

– Как называется оружие Дорана?

– Тонфа. Знаешь, откуда он его взял? Как-то ездил в Россию, поспорился там с двумя полицейскими, поколотил их и отобрал у них. Они там все с такими ходят.

– Кто будет следующим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.